Порча

Автор:
Владимир Буев

Порча

Владимир Клавдиевич Буев

Повесть, написанная от лица автора, рассказывает о лечении жены от рака с помощью биополя. Обладая задатками целительства, автор упорно пытается спасти любимого человека и до последнего часа надеется на успех. В процессе сеансов неожиданно открывается мистическая подоплека болезни. О большой и сильной любви, о жестоких сущностях, властвующих над больным человеком и реальном противостоянии им – это повествование. Содержит нецензурную брань.

А где тетрадь,

Чтоб грусть мою упрочить словом?

Белла Ахмадулина

Глава 1 Диагноз

В деревенской семье родилась дочка. Когда тонконогая девочка подросла, соседи неожиданно заметили, какая она красивая. Рос яркий цветок, озаряя пространство вокруг себя, все любовались, видя его, и гордились, что их деревня может рождать таких замечательных людей. Но светлая гордость была

недолгой. Девушка уехала и досталась кому-то там, в городе. Этим кем-то был я.

Не спеши, не тревожься,

Не шуми, не кричи.

Если можешь бороться,

Улыбайся и жди.

Жди, как узник свободы,

Как ребенок взросления.

При любой непогоде

Жди, и верь в исцеление.

Ни суда, ни дороги,

Ни сочувствия близких –

Жди, как пес у порога

Ждет хозяина с миской.

Не ищи умиления,

Надевая белье.

Жди и верь в исцеление:

Это – кредо твое.

Не горюй, не волнуйся,

Погляди на часы…

Если любишь – любуйся,

Если нет, так молчи.

Это стихотворение я написал к последнему Дню рождения жены, через три месяца после операции. Напечатал стихи сбоку на ее фотографии, которая висит сейчас в рамке на стене. Я не могу смотреть на эту фотографию. Жена у меня обворожительно прекрасна! Была…

Вера. Так звали мою жену. Есть в этом имени что-то одухотворяющее. Всю жизнь, когда мы задавались вопросом, как будем дальше жить и помирать и кто из нас первый, вспоминали Вериных «деду» с «бабой». Когда мы приезжали в деревню, на родину жены, то первым делом, зайдя в общую на два дома ограду, шли к дедушкиному дому, посидеть на лавочке со стариками. Дедушка, невысокого роста с горбинкой на носу, любил поговорить, бабушка, сидевшая неразлучно с ним, наоборот была молчалива, но слушала всегда внимательно. Спрашивала редко, только о важном. Как гладь предзакатного озера, она чутко реагировала на твое присутствие, и ты видел в ее мудрых, улыбчивых глазах дружескую заинтересованность. Так было заведено многие годы, и на душе становилось легко от общения с простыми деревенскими старожилами.

Дедушка умер, без хлопот. Сноха ушла в сарай подоить корову, возвращается – а он сидит на завалинке, прислонившись к бревенчатой стене. Бабушка, преданная супруга, умерла через год. Сын вышел за водой, возвращается со стаканом, открывает занавеску в комнатку, а старенькая мама на кровати не дышит. Говорят, кто легко умирает – были безгрешны.

В водовороте судеб высох еще один ручеек. Ручеек такой маленький, что его исчезновение и не заметно в океане человеческих интриг и страстей. Только вот старуха с косой, прибывшая в неурочный час к моей жене, оставила у меня выкройки своей одежды. Одежды заболевания, в которое она выряжается для пятой части земного народонаселения.

Диагноз «рак матки» не был приговором. В женской консультации по месту жительства Веру заверили, что такие болезни излечиваются в девяноста процентах.

В декабре сделали операцию. Осложнений не предвиделось, и накануне Нового года я приехал в онкологическую больницу забрать жену домой. В отделении гинекологии шел ремонт. Проем в больничный коридор из холла был завешан запыленными простынями. Я накинул халат, заглянул за занавес. Несколько кроватей стояли на проходе, так как палаты переполнены. Пройдя к палате, где лежала жена, постучался, открыл дверь. Больные женщины устало вопрошали на меня с кроватей. Вера в легком красном халате, похудевшая, показала на сумки с вещами.

– Вот, возьми, – затем встала, попрощалась кивком головы с соседкой. Та прошептала:

– Счастливо тебе, Верочка. Дай бог, чтобы у тебя все было хорошо.

Мы вышли. В предбаннике холла, заставленном мебельным хламом, дождались лечащего хирурга. Приятная, высокая, средних лет женщина направлялась из кабинета в коридор. Я познакомился с ней в день операции, когда Вера находилась еще в операционной.

– Здравствуйте, Нина Степановна, – она остановилась, посмотрела на нас по-доброму. Узнала.

– Возьмите, пожалуйста, – я подал пакет с подарком.

– А… Здравствуйте, – врач приняла подарок и тоном благодарной воспитательницы детского сада, адресованного к папе своей любимицы, проговорила, поглядывая на Веру:

– Ну что сказать?.. Операцию перенесла спокойно: ни ныла, ни жаловалась. Другие вон как переживают!.. Спрашиваю у нее: «Муж хороший?» Хороший, говорит. Вижу, что хороший… Шовчик зарастет, назначат лечение. Не расстраивайтесь, она справится. Осложнений пока не видно, – женщина подбирала слова. Вера осторожно спросила:

– Не четвертая стадия?

– Да ну, чт-о-о вы? Нет, конечно!.. – повела плечами и слегка отвернулась, будто любимица разочаровала ее этим несуразным вопросом. Я почему-то подумал, может врачиха запамятовала, как мою жену зовут?

Недавно узнал, оказывается слово «врач» – от слова «врать», что в древнерусском языке означало – говорить. Значит лечение – это слова? А что же тогда таблетки? Мою жену лечили химией. В январе все в той же женской консультации по месту жительства, где большинство пациентов – молоденькие беременные, Веру снова уверили в благополучном исходе и окончательно вразумили:

– Что, вы думаете операция главное? Это только начало. Основное лечение – облучение и химиотерапия. А мы-то, наивные, полагали, будто радикальнее операции априори ничего нет. Недоумевали даже, как далеко все зашло, что операция стала неизбежной. Восприняли предстоящие процедуры как профилактику осложнений.

Консилиум в больнице назначил несколько облучений и шесть курсов химиотерапии. Окончание лечебного процесса намечалось в октябре.

Наглядевшись на народец,

Птица воду стерегла.

Чтоб не плюнули в колодец,

Пела трели до утра.

Глава 2 Лечение

Наступил февраль. Мы жили в ожидании. Бесснежная зима, помучив людей морозами, посердилась несколько дней ветрами и сдулась. Мы посадили на подоконнике в ящичках рассаду помидоров. Выращивали их потом в саду.

Садоводство располагалось на окраине пригородного поселка, где я провел все свое детство, живя с бабушкой. На даче у нас было два участка, объединенных в один. На одном участке сажали картошку, на другом возделывали другие садовые растения, чтобы летом побаловать себя свежей зеленью, а в основном, с прицелом на заготовки до следующего урожая. Из двух кирпичных двухэтажных домиков эксплуатировали один. Второй, предназначенный для детей, пока пустовал. Поздней осенью старший сын разгрузил на саду большую машину навоза. Высокая куча рассыпалась по цветочной клумбе, подмяв увядшие цветы. С окончанием зимы мы все чаще подумывали о садово-огородных делах. Первым делом мне предстояло растащить навоз по участкам.

Ежемесячно я возил Веру в больницу. Сначала на лучевую терапию, затем на химиотерапию. Инъекции выполнялись через капельницу. В больничных палатах стояла духота. Поэтому, приняв очередную порцию яда, Вера в палате больше, чем на два часа не задерживалась. Я сразу увозил ее домой. Медсестры в отделении удивлялись стойкости этой хрупкой женщины. Большинство больных в результате химической бомбардировки отлеживались по неделе. Веру дома иногда подташнивало после процедур, но это не сильно тревожило. Сопротивляемость ее организма обнадеживала. Настроение было позитивным. Во всяком случае, у меня.

В конце марта мы всей семьей справили Верин День рождения и пожелали ей скорейшего выздоровления. Будучи на больничном, Вера оформляла пенсию: возраст подошел.

По деньку, по шажку, подкрадывались теплые весенние дни. В апреле выскочили почки на деревьях. Сначала маленькие, почти не видимые, а потом вдруг почки стали сережками. На одном из подоконников, обставленных многочисленными горшками, зацвел домашний цветок. Вера показывает на него

рукой и хвастливо спрашивает:

– Видишь? – смотрю: в небольшом горшке распустился пушистыми лепестками фиолетовый бутон, а другие комнатные растения – сплошь зеленые. С выходом на пенсию у жены появились новые увлечения. Рутина трудовых будней сменилась новизной быта. Вера умела наслаждаться цветами, но почему-то цветочные букеты, когда я пытался преподнести ей, не принимала.

– Делать что ли нечего? – говорила она, когда я, в порыве чувств, подавал букет. – Лучше бы полезное что-нибудь купил.

Однажды жена призналась. Врачи не советовали пациенткам рассказывать мужьям, что на самом деле представляет из себя операция по удалению рака матки. Опухоль не вырезают, не выскребают. Матку целиком с придатками вынимают из полости живота.

– Пусть лучше мужья не знают об этом, – говорили женщинам врачи. Я удивился тогда: в чем тут сермяжная правда?

После облучения в выписке, наряду с другими, значился один деликатный пункт: «Рекомендовано: Половой покой 2 мес.» Соблюдал. Воздерживался, как положено, два месяца. По прошествии запретного срока, жена согласилась, не куражась. Мы, мужики, подсознательно при половом акте пытаемся достать до матки, полагая, что приносим женщине удовлетворение глубоким проникновением. В этом допуске к самой сущности сокровенного женского естества, в приближении к тайне материнства – дурманящая сладость близости с любимой. А тут… Матки-то нет. Шовчик. Не знаю, что подумала жена, но это была наша последняя интимная близость. Когда продан родной дом, а в нем живут уже другие хозяева, проходя мимо, порой хочется заглянуть. Не пускают, к сожалению. Кто ты такой, спрашивают? И ты понимаешь, что здесь уже больше чужого, чем родного, и щемит как-то…

В конце апреля я съездил в садоводство разведать обстановку. Снег сошел, а земля еще не оттаяла. Навоз лежал застывшим холмом на цветочной клумбе. Расконсервировал розы, укутанные от морозов, проверил водопроводные трубы.

Май подарил солнечные дни и большие планы. Мы вдвоем на даче. Я высадил под руководством жены в парник рассаду помидоров. Навозная куча оттаивала

порциями: на штык лопаты за неделю. Еженедельно снимая верхние слои, развозил тачкой удобрение по участкам.

Вера с детства любила землю, поэтому все выходные самозабвенно ухаживала за посадками. Тяжелую работу я ей не разрешал. Полола, по возможности, грядки, ухаживала за цветами. Болезненное состояние хотя и изредка, но все же сказывалось. Она уходила в домик, где в прохладной тени занималась вязанием. Вязала себе белую шапочку на случай возможного облысения.

В середине июня солнце допекло, по макушку. Городские улицы плавились от жары. Пассажиры в автобусах, задыхаясь от духоты, на чем свет стоит, поминали про себя железобетонных водителей, которым что с горы, что под гору, лишь бы график выдержать. Все жизнеспособное и свободное население города расползалось, по пляжам и дачам. Мы тоже с нетерпением ждали любую возможность, чтобы уехать на дачу. Воды в саду было много. Не жалея ее, поливали все подряд, даже картошку.

Цветочная клумба, освободившись от навозной кучи, расцвела неожиданно и пышно! Когда раскрылись розы, мы налюбоваться ими не могли. В саду готовить Вера не любила: считала, достаточно перекусить чего-нибудь. Сидим с ней утром на открытой веранде, пьем чай. Вокруг разноцветные кусты. Роса испарилась. Редкие пчелы мельтешат по цветочным лепесткам. Легкий ветерок треплет шторы и загоняет утреннюю прохладу к нам на стол.

– Хорошо! – говорю Вере.

– Да, – подтверждает она, – розы смотри, какие красивые!

– Может срежем несколько штук, домой увезем?

– Зачем? Пусть тут цветут.

Солнечные лучи несмело щекочут глаза. Проезжает по улице на велосипеде охранник – седоволосый мужчина, смотрит сквозь невысокий забор в нашу сторону, приветливо улыбается, и я почему-то думаю, что он к Вере неравнодушен. Она не могла не вызывать уважение у людей, которые просто видели ее со стороны.

Друзья говорили мне, что я выиграл ее по лотерее. Где бы ни находился без нее, она никогда не вызванивала меня по телефону. Не устраивала публичных разборок. Со всеми была приветлива. Легко реагировала на юмор. Были у меня, наверное, завистники.

Никогда я не замечал, чтобы Вера сказала что-то невпопад. А тут как-то проспорила. Огурцов ни у кого еще не было. Увидев на грядке маленькие завязи, я неожиданно озадачил ее.

– На следующей неделе будут огурцы.

– Не выдумывай.

– Спорим?

– Сколько раз тебе говорила, никогда не загадывай.

– Что, боишься проспорить? – я уверенно протянул руку. Вера, не любитель споров, нехотя подала правую ладонь, а на лице читалось: «что с него возьмешь?»

– На бутылку, – уточнил я, предвкушая торжество победы.

Огурцы через неделю действительно пошли. Так проспоренную бутылку и не отдала. Стоит вон бутылочка пластиковая, с клапаном, из которой она пила последние дни воду. Смотрю на эту бутылочку, а слезы…

Вера любила песни и прекрасно пела. Правда, редко, когда в близкой компании заряжалась воодушевлением. И я с завистью вспоминал в такие моменты того косолапого увальня, который в детстве наступил мне на уши.

Она не любила болтать по пустякам, поэтому у нее была одна только подруга, Лиля. Как ни странно, очень разговорчивая и юморная, с таким задорным, заводящим смешком, но в душе серьезная и очень ответственная.

Вера была домоседкой. Не любила посещать театры. С удовольствием смотрела телесериалы. Я упрекал ее за пристрастие к мыльным операм:

– Как ты это можешь смотреть?

– Это жизненно, не то, что твои боевики. Стреляют, да убивают друг друга.

– Да там-то хоть понимаешь, что это – сказка. А тут чего? Чего тут жизненного? Одно и то же мусолят.

– Иди отсюда. Не мешай, – увлеченно глядя на экран, раздражалась жена.

– Как ненормальная! – бурчал я, скосив взгляд, и уходил.

По возвращении из стационара Вера рассказывала про соседок по палате. Одна женщина, преподаватель хореографии в деревенской школе, стройная, молодая, с длиннющими красивыми волосами, начисто полысела после первой химии.

– Такая оптимистка! Улыбается всегда, помогает всем. Вообще, люди, которые натерпелись, относятся друг к другу по-другому, – говорила жена.

При том, что женская привлекательность была дарована Вере с горы, я не умилялся ею никогда. Ее отец – фронтовик, мать – труженица тыла. Деревенские люди, они основной человеческой ценностью считали семью. Воспитание детей в их многодетной семье коренилось на традициях и родительском примере, без принудиловки. Может быть, гороскоп так карты разложил, может сказалось воспитание, но в оценке поступков людей у Веры преобладали два цвета: черный и белый. Она с трудом прощала обиды. Обидевшись, замыкалась, уходила в себя. Никогда я не видел на ее глазах слез, и сам никогда не плакал. Но вот когда всполохи беды запорхали над нами, я стал лучше понимать ее. Такое случается с людьми, когда торжествует любовь. Хотя я оставался неисправимым эгоистом.

Небольшая банька с мойкой и парилкой была встроенной внутрь дачного домика. Нас это вполне устраивало. Помылся – и на мансарду отдыхать. К тому же – печь в доме. В холода тепло. Будучи в бане, Вера отворачивалась от меня: стеснялась показать след от операции, что расчеркнул низ живота. Я подглядывал исподтишка и, хотя не привык к этому еще свежему шраму, не видел в нем ничего отталкивающего. Нагая фигура соблазняла, как никогда. Но жена решительно пресекала мои страстные притязания.

– Представляешь, как там все болит? Живое тело лучами обжигают.

Волосы Вера давно уже не красила, поэтому седина на голове у нее обнажилась. Прическа поредела. Посоветовались, решили состричь под ноль, может корни волос закрепятся. Съездила к подруге, но та, мудрая женщина, не стала оболванивать ее, оставив короткую стрижку. Не стыдно было показаться на людях. Не любительница красоваться перед зеркалом, Вера стала чаще заглядывать в него без шапочки, а на лице всплывала таинственная улыбка. Мужикам этого не понять, как не понять, зачем у женщин в сумочках столь много всякой косметической ерунды. Жена связала себе шапочку, и надевала ее на улице. Иногда выходила в коротком парике. Насмеливалась пройтись по тротуарам без головного убора, наслаждаясь остывающим вечерним воздухом. И поглядывала на меня, поверяя по моей реакции отношение прохожих.

В августе, под занавес лета, дождей так и не дождались. Сад был для нас панацеей. Урожай вырастили неплохой. Старший сын помогал иногда. Младший сын работал вахтовым методом на Севере. С ним часто созванивались. Он все спрашивал, как мама, может обратиться к врачам в другом городе?

Выписка после пятого курса химиотерапии гласила: «Выписывается домой в удовлетворительном состоянии». Причин для серьезного беспокойства не было. Вера даже как-то похвалилась одной своей нечаянной попутчице по несчастью: «Скоро последний курс. Мне новую химию поставят, и я поправлюсь». В сентябре закончился садово-огородный сезон, и мы окунулись в городскую суету.

Вере, как ветерану труда, полагались кое-какие преимущества. Она выхлопотала доставку пенсии на дом, оформила скидку на лекарства. Как-то сидим на диване, она достает из сумочки проездной билет.

– Теперь в автобусах бесплатно буду ездить, – льгота, недавно введенная для заслуженных пенсионеров – горькая пилюля времен. Я взял талон, представил, как она показывает его кондуктору. Пассажиры видят это. Пожилые смотрят с уважением, молодые – равнодушно.

– Нравится, когда на тебя смотрят? – Вера недоуменно пожала плечами. Она к вниманию со стороны относилась отстраненно. Привыкла. – По магазинам теперь поедешь?

– Вместе поедем, – она помолчала, – надо к Новому году купить платье, поможешь мне выбрать?

– О, кстати, как раз мне костюм купим!

– Зачем он тебе, ты же не носишь костюмы?

– Пригодится.

– Давай лучше черные джинсы тебе купим.

– Почему черные?

– Ну, не совсем черные, уточнила Вера, – темные, на зиму. По-моему, тебе подойдут.

– А ты какое платье хочешь, светлое?

– Вообще-то я ведь женщина, должна быть нарядной.

– Да что ты говоришь? – я не сдержал улыбки, – женщина она! – Вспомнился забавный случай, как однажды под Новый год за Верой, никого не стесняясь, ухаживал один наш знакомый. Когда неожиданно появилась его жена – ухажер, как воды в рот набрал. – А я ведь мужчина, должен быть галантным.

– Может тебе костюм дед-Мороза купить? – Вера лукаво улыбнулась и вывернула ладонь, давая понять: куда уж галантнее. – С бабочкой.

– С живой бабочкой не откажусь.

– Живые на трассе, – она посерьезнела, – стадами бродят.

– И логика у тебя женская, – она не возражала.

В начале октября Вере вкололи последнюю, шестую порцию ядохимикатов. Она не интересовалась даже, какие применялись препараты, в каких дозах,

насколько своевременно и обоснованно. Да, хотя бы и заинтересовалась, разве могла она что-либо изменить? Коли билет куплен: – знай свое место!

Перед последней процедурой Вера в разговоре с соседкой по палате все же призналась:

– Ой, я так боюсь! – видимо, почувствовала что-то неладное. Соседка утешала ее:

– Ну что теперь сделаешь, раз мы предоставлены врачам? Им виднее.

При попытках расшифровать келейный почерк медицинских документов, порой создается впечатление, что медики прячутся за казуистику, как тореадор за красную тряпочку.

Именно после шестого курса все и началось. Как всегда, почти из-под капельницы, увез жену домой. И пребывал в радужном настроении от того, что все закончилось. Невыносимо тяжело все это вспоминать, но утешает надежда, что земная жизнь этой замечательной женщины прервалась не напрасно.

Бархатная пора сменилась прохладой. Перед отопительным сезоном мы пригласили слесарей и поменяли радиаторы в зале и в нашей спальной комнате. Когда запустили тепло, в квартире стало уютнее. После операции Вера обосновалась спать в зале, поближе к телевизору.

Огурцы, немного помидоров она посолила, а капусту посолить была уже не в силах. У нее стал расти живот. Сначала впечатление было такое, будто немного пополнела. Как-то, проснувшись, я откинул одеяло. В ситцевой сорочке, которую она звала "ночнушкой", слегка побледневшая, в белой шапочке, Вера лежала на спине. Мне предстояла будничная процедура сборов на работу, а ей выпала безграничная возможность поблаженствовать еще в постели: полгода уже на пенсии. Мысль о выросшем животе впервые тревожно лизнула меня.

– Что-нибудь болит?

– Вот тут болит, – Вера показала рукой на правый бок. На днях в диспансере выдали несколько рентгеновских снимков, на одном из которых в межреберье

подсвечивалось расплывчатое белое пятнышко. В расшифровке значилось: «Новообразование в полости живота над печенью возле ободной кишки». Я сопоставил снимки с местом, куда указала жена.

– Вечером приду, надо тебя полечить, – Вера посмотрела на меня. В этом обыкновенном женском взгляде, каких было тысячи за нашу жизнь, появилась какая-то новая нотка. Посмотрела нежно. Через край нежно. Я не придал тогда значения этому мимолетному душевному всплеску. Вера, будто спохватившись, похвасталась:

– Сегодня должны «пенсию» принести, – как ребенок подарку, она радовалась, что за деньгами не надо, оказывается, ходить на почту, что их теперь приносят домой.

Лечил я жену биополем. Точнее: ладонями рук. Укладывал ее спиной на диван, усаживался на табурет. Затем протягивал правую ладонь над туловищем. Со стороны, наверное, казалось, будто поглаживаю что-то невидимое. Расслабившись, фиксировал внимание на ощущениях в руке. Улавливал легкие импульсы отталкивания, как между однополюсными сторонами магнитов. Ладонь, нащупав болезненное место в теле, как бы спотыкалась о него.

Наступали прохладные ночи,

Остывала под кроной вода.

От невидимых новеньких почек

Отделялась листва навсегда.

Глава 3 Дар

Откуда что взялось? Дар это или навык? Сразу не скажешь, как не скажешь, какая сторона медали важнее. На заре супружеской жизни я ушел работать из журналистики на стройку. Шабашить, по-другому – калымить. Сын подрастал. Красавчик! Деньги понадобились. И вот на стройке случился первый серьезный жизненный курьез. При падении с тракторной телеги хряснула таранная косточка – шарнир в голеностопе. Маленькая такая косточка над пяткой. Название напоминает сцену жестокого насилия над крепостными воротами замка с помощью тяжелого бревна. Таран – наступление без оглядки. И смех, и грех.

Мы, бригада строителей из трех человек, ремонтировали мягкую кровлю на крыше одного из цехов Химкомбината. Полдень. Жара стояла несусветная. В воздухе блуждал невидимый газ сероводород, потихоньку сводя с ума многотысячный персонал комбината, а прихватом и жителей близлежащих домов. Запаха растворенного в воздухе газа почти не чувствовалось, но люди к концу смены становились слегка чумные. Ни облачка на небе, ни ветерка, только рдеет низким маревом воздух над плоскими крышами, заштрихованными серым глянцем рубероида.

Мы с Витькой Мошкиным подметали облезлыми метлами очередной участок крыши. С Витькой мы уже три года работали на разных объектах, понимали друг друга с полуслова, дружили, выпивали иногда вместе. Крепкий парень, занимался штангой.

Внизу возле черного стального котла кашеварил с битумом Серега Невский. Весь в копоти, худой, длинный, с черными усами и большими навыкат глазами. Он приходил на объект раньше нас, подготавливать котел. Справлялся со своей работой здорово, не жаловался, что перерабатывает. Мы взяли его в бригаду как подсобного рабочего, потому что раньше он был шофером и ничего по строительству делать не умел. Витька считал себя докой и был быстр на руку. Случалось, косячил. Из-за этого иногда мы спорили. Меня, как бугра, уважали, если что не ясно, всегда спрашивали моего совета. Я, хоть и сам никогда не был профессиональным строителем, пытался выстроить ритм работы на перспективу, дабы не запариться на объекте. И, по какому-то внутреннему убеждению, периодически внушал друзьям по работе, что время – деньги.

Жирный хвост дыма над котлом, выползая из жерла трубы, сворачивался в бесформенное облако и расползался темными отрепьями по железобетонным корпусам комбината. Внизу колесил трактор «Беларус» с телегой. Тракториста

звали Саня. Он иногда подъезжал к нам поболтать. Витьке нравился этот парень. Щупленький, безобидный, он уже неделю готовился к свадьбе. Невеста, девушка из деревни, жила в общежитии. Саня звал ее Галчонком и намеревался после свадьбы забрать к себе в двухкомнатную хрущевку, где жил с родителями.

– Вон, Саня катит, – сказал Витька. Я глянул вниз и убедился, что трактор приближается в нашу сторону.

– Сейчас за рубероидом поедем на очистные.

Саня поднялся на крышу по пожарной лестнице.

– Митрич (так звали прораба) сказал, ехать на очистные за рубероидом.

– На телеге что ли? – спросил Витька.

– А на чем еще? – безапелляционно ответил тракторист.

Очистные располагались за территорией комбината, на уступе огромного почти отвесного яра. То, что отходы химического производства транспортировалась в прекрасную широкую реку, по советским да и по нынешним временам вроде бы приемлемо. Вода стерпит и все смоет. Но почему рубероид складировали на очистных? Там смрад кругом, даже вороны облетали, боялись задохнуться.

Пыльная дорога круто спускалась к речной долине. В нескольких метрах от начала спуска к ней примыкал перекресток, вдали которого угрюмо маячили корпуса очистных сооружений. Мы уселись на бортах телеги. Жизнерадостный тракторист, туда, похоже, ни разу не ездил. Катался по асфальтированной территории между цехами на горизонтальном ландшафте и не пылил. Витька Мошкин, приладился на передний борт, мы с Серегой разместились по боковым бортам. Когда трактор взял резко вниз, Серега вдруг как заорет:

– Да у него тормозов нет. Сигай! – и соскочил с телеги.

Глянув на Витьку, которому «сигать» было несподручно, я из товарищеской солидарности, спрыгнул не сразу. Кабина трактора стала переворачиваться, а

телега все ехала. Испугался, повернулся, не помня себя, перекинул ноги через борт и… приплыл. В то мгновенье, когда падал, судьба ухмыльнулась каверзным оскалом. Боясь угодить под задние колеса, стопу поджал, подвернул. Будто кто-то дернул за левую ногу. В результате – вывих, да еще и с переломом. Крутанулся по пыльному бездорожью, сижу, очумело взираю на произошедшее. Телега встала. Сверху семимильными шагами топает длинноногий Серега, вопит:

– Где он?.. – на его лице читается явная готовность сварганить из тракториста антрекот. Но, выскочив из-за телеги, Серега, как вкопанный, замер от увиденного.

Кабина трактора лежала на боку. Трехмерное измерение, в котором мы грешные очутились, предполагало наличие в пространстве кабины тракториста, из которого Серега изо всех сил только что хотел изготовить отбивную. Однако Саня там по какой-то мистической причине отсутствовал.

Дышло телеги – жесткий конусный прицеп из труб – проткнуло кабину насквозь. Серега смотрит на Витьку. Тот оседлал передний борт телеги, намертво вцепившись в него обеими руками. Вопрос: «Где он, этот гребаный пи…пи?..» из уст Сереги звучит едва слышно. Раскрыв рот, он заглядывает под телегу. И пучеглазость на чумазом лице его превратилась в фары.

Из-под передней оси телеги в это время медленно, кряхтя, выползает лицо юного тракториста, еще более испачканное, чем у Сереги, зато невинное, как первый огурец. Увидев себя в центре внимания и вмиг сообразив о наших внутренних намерениях, он застонал.

– Ой!.. Ой!.. – непонятно, то ли в самом деле от боли, то ли от отчаяния. Штаны изодраны, весь в пыли, сам какой-то скукоженный. Вылупился на меня.

Первая попытка вгорячах подняться для меня увенчалась обжигающей болью.

– Все живы? – задаю идиотский вопрос.

– Живы! – оптимистично отвечает Мошкин сверху и добавляет, глядя на нарисовавшегося из-под телеги тракториста: – Пока!.. – Разжав пальцы, он оттолкнулся от борта и с ухмылкой пошоркал ладонями.

Саня зажал руки между ног. Лицо скорчилось, жалуется:

– Я, кажется, яйца раздавил.

Мошкин пулей вырос на земле.

– У тебя же завтра свадьба!?

– Да-а-а! В том-то и дело! – отчаянно подтверждает Саня. К ним подходит возбужденный Серега.

– Сам себя кастрировал!

Я снова хочу привстать, но не могу, больно. Спрашиваю через дорогу у Сани:

– Как ты там оказался?

– Выбросило. Крыша в кабине фанерная, я ее головой, кажется, прошиб, – поднимает руку к макушке и тут же опускает.

– Ничего себе, башка! – комментирует Серега. – Как только Галька согласилась за него замуж!..

Витька, более умиротворенный:

– Ну-ка, давай посмотрим, что у тебя там, – Саня разжимает треугольник рук, расстегивает ремень, боязливо спускает штаны. Вижу худенькие Санькины ляжки, пятнышко крови. Витька, как заправский доктор, осматривает, пригнувшись. – Фигня, мошонку порвал в двух местах. – Затем, брезгливо щелкнув пальцами, диагностирует: – Яйца целые, зашьют, не ссы, срастется. Со шрамами будешь, как на войне, теперь!

– Свадьба же завтра, – чуть не плачет Саня, не в силах понять, почему ему не сочувствуют. Витька разводит руками, не зная, что ответить.

– Какая, на хрен, свадьба? Проснись, о чем думаешь? – заорал опять Серега. – Что с тобой было бы, если у кабины крыша оказалась вдруг железной?

– Родители Галчонка у нас, полдеревни приехали, все собираются, что делать? – будучи в шоке, талдычит Саня.

– Снять штаны и бегать, – находится с ответом Серега. Я на минуту представляю Саню в нарядном галстуке без штанов, бегающем на свадьбе среди многочисленных гостей и не помираю со смеху только потому, что смеяться больно, хоть плачь.

Затем все подходят ко мне. Сидя под небольшим песчаным бережком, взираю на друзей.

– Похоже, сломал.

– Да ты что? – сомневается Витька, – может, вывих? Попробуй дернуть. – Берусь левой рукой за голень, правой за стопу, дергаю. Раздается сухой щелчок, на минуту боль стихает. Благодарно улыбаюсь. Опершись руками о сухую пушистую землю, пытаюсь приподняться. С опаской наступаю на поврежденную ногу. Больно.

Сажусь, виновато оглядываюсь по сторонам. Стопа припухла. Стыд усиливает отчаяние. Дергаю за стопу еще раз, на миг теряю сознание. Понимаю, что был вывих, его-то вставил, а еще есть перелом, его не вставишь на место, как не зашьешь раздавленные яйца.

На скорой отвезли нас с Саней в больницу. Сане мошонку зашили, перебинтовали почему-то по пояс. Мне выдали снимок рентгена, на каталке подняли на лифте в хирургию. Лежу в предоперационной. Из операционной выходит хирург. Белый халат на нем в кровавых пятнах, лицо уставшее, но довольное. Ассистентки облегченно ютятся вокруг. Похоже, сложная операция прошла успешно. Улучив момент, сестра, опекавшая мою несчастную персону, всучила в руку герою-доктору снимок, чего-то полушепотом проговорила. Тот, мельком глянув на снимок, распорядился загипсовать.

Возникло какое-то опасение. Вежливо, но настойчиво обращаюсь к врачу.

– Пожалуйста, посмотрите снимок, там может быть смещение, – сам робею признаться, что дергал ногу. Со школы помнил урок, где говорили, что при переломе ни в коем случае нельзя самому вправлять, необходимо наложить «шину» и – в больницу.

– Кто тебе ляпнул языком, что у тебя смещение? – был ответ. Загипсовали, ничтоже сумняшеся.

Вера, увезла меня на такси домой. Валялся на кровати два месяца с загипсованной по колено ногой. Когда последние наплывы боли угасали, ощущал, как под гипсом в месте перелома неугомонно зудится, коробит что-то. Отломленный осколочек, повинуясь геометрии древних клеточных связей, целился встать на место, а гипс окольцевал сустав. Так и приросла косточка не по адресу.

Затем два месяца физиопроцедуры, полгода на легком труде. Затем семь лет не мог встать на ногу, не превозмогая боли. Похожу мину пятнадцать-двадцать, притерплюсь, боль утихает. И семь умножить на триста шестьдесят пять дней вспоминал того хирурга.

Бес протащил надменность в профессию врача тайком от Бога под маской милосердия.

Затем враз излечился, благодаря экстрасенсу. Ее звали Люба. Она работала комендантом в общежитии и открыла в своем кабинете на первом этаже что-то вроде пункта приема пациентов, обозвав его кабинетом лечебного массажа. Люба трудилась там с дочерью. Недолго. Начальник ЖЭУ, которому это общежитие подведомственно, быстро сообразил, что тут чересчур чисто, и наложил грязную лапу. Доброе дело испарилось, как роса.

Но мне повезло. Успел. Я тогда рулил небольшим строительным предприятием. Заметно прихрамывал. Было стыдно. Комендант Валя из общежития, в котором мы проводили ремонт, сказала как-то:

– Вижу, ты все мучаешься? Пойдем, я тебя познакомлю.

– С кем?

– В том общежитии, – она показала рукой в сторону соседнего здания, – Люба ее звать. Она с дочерью: лечат от всяких болезней. Тебя вылечит. – И отвела меня к своей подруге.

Люба уложила меня на кушетку в холле и повела тыльной стороной ладони вдоль голени и стопы, не прикасаясь к ноге. Физически я ощутил четкие колики в месте перелома. Поразительно! Впервые на себе испытал чудо. На следующее утро, проснувшись, по привычке ставлю на пол здоровую ногу, затем больную, опершись рукой о край постели, поднимаюсь, встаю. Иду. Боли нет. Прошло более тридцати лет. Нога не болит до сих пор. Как-то через несколько дней после манипуляций, которые сотворила со мной мимоходом божественная Люба, встретил ее случайно на улице.

– Люба, ты что сделала со мной? Нога не болит!

– Я еще и Богу молилась, – и… пошла восвояси.

Как-то, будучи в обществе «Знание», купил тонкую самиздатовскую брошюрку «Психоэнергетика», где описывались приемы использования экстрасенсорных способностей человека, и стал тренироваться. Специально никого не лечил, но друзьям и родственникам иногда помогал.

Моя бабушка, с которой я жил все детство в деревне, слыла знахаркой. Все в нашей многочисленной родне так и принимали ее за заступницу. А она была простая, набожная, добрейшей души человек, заводила компании и притом бессребреница. Сколько она мне рассказывала про Господа Бога! Читала древние книги на церковнославянском языке, в деревянных переплетах, обшитых кожей. Необычные книги. Мы по материнской линии из рода староверов, поэтому у бабушки была своя посуда, и крестилась она не щепотью, а двуперстием. Ездила по субботам в собор – домик где-то в конце города, на Горе – так называлось место на высоком берегу Оби. Молилась там с другими старушками всю ночь, возвращалась утром, кормила меня и потом только укладывалась отдохнуть. Я звал ее бабкой. Может быть, целительский дар унаследован мной от бабки? Во всяком случае, это была соломинка спасения любимой женщины. Соломинка, ставшая впоследствии причиной серьезных баталий.

Про горошину принцесса

Забывала, глядя в пол.

Чтобы не было эксцесса,

На полу лежал топор.

Глава 4 Целительство

Биоэнергетическое лечение заключается в овладении способами коррекции энергетической структуры пациента с помощью подключения ее к энергетическим системам целителя и эгрегора (высших сил).

В октябре меня пригласил на работу в свою компанию мой бывший заказчик Григорий Антонович Холодов. Компания занималась сдачей в аренду помещений и строительством. Мне предстояло управлять хозяйством. Работа исполнительного директора была мне знакома, зарплата устраивала, и я решил дать согласие, но предварительно захотел посоветоваться с Верой.

– Как думаешь, на окладе лучше? – спросил я у нее.

– Хоть под старость нервотрепки не будет, – жена восприняла эту весть с воодушевлением. – Да не рассказывай всем подряд. – Она почему-то всегда боялась сглаза.

– Не буду.

– Хуже бабы. Как, что появится – всем уже известно. Не вздумай другу своему доложить.

– Никому не скажу, – уверял я жену, а самому действительно не терпелось в гараже поделиться новостью.

– А то я тебя не знаю. Пойдешь в гараж и разболтаешь все. Ты же не специалист. Поэтому еще не известно, как выйдет.

– Вера, да сколько я повидал!

– Повидал он. Чего ты повидал? Там подчиняться надо. С твоим-то характером. Не уживаешься ни с кем сроду, – Вера, привыкшая безропотно переживать острые ситуации, всю жизнь напоминала мне о простых житейских мудростях. А я не догонял…

На новой работе поначалу все складывалось замечательно. Доброжелательная атмосфера, интересные планы. Возвращался домой поздно. Придя с работы, обычно заглядывал в зал. Вера, как всегда, занималась каким-нибудь рукоделием.

В тот вечер она, сидя на диване, вышивала на пяльцах крестиком небольшую миниатюрку. Это была ее третья поделка. Кропотливым женским ремеслом Вера заразилась в палате хирургического отделения от соседки. Энергичная женщина она не умолкала ни на минутку. Вера сошлась с ней по душевной близости и привязалась. Научилась у нее вышивать крестиком и бисером.

Новое увлечение занимало время и отвлекало от болезни.

– Как себя чувствуешь? – спросил я. – Болит? – Вера пожала плечами.

– Болит, – и продолжала вышивать. Я прошел на кухню, поставил разогреваться ужин. Возвращаясь, вижу, что Вера стоит в коридоре перед зеркалом. В руке держит новую вязаную шапочку.

– Как я выгляжу? – спросила она. Я удивился. Жена, когда покупали ей одежду, частенько полагалась на мой вкус, но, чтобы интересоваться у меня своей внешностью, – нонсенс. Я и влюбился-то в нее с первого взгляда из-за неотразимой красоты. История нашего знакомства, как сладкий сон, романтична, но об этом после.

– Вполне нормально выглядишь, – я не кривил душой. – Не привычно, правда, но, глядя со стороны, помолодела даже. Лиля молодец. – Похвалил я Верину

подругу, глядя на седую голову со стрижкой под ежика.

Взгляд невольно упал на живот. Халат на животе заметно вздулся. В груди снова что-то екнуло. Сама худеет, а живот растет! И тревога вонзилась маленькой занозой и занудила непрерывно. Вера поняла мое беспокойство по-своему. Быстро надела шапочку, будто скинула наваждение и, вернувшись в зал, снова принялась вышивать. Расстроилась.

Поужинав, я подошел к ней, присел рядом. Телевизор выключен. Смотрю, как она вышивает. На плоской тарелочке лежат заготовки разноцветных ниток. На пяльцах натянут холстик из черной ткани. Шаблон рисунка едва заметен. Вера, нацелившись кончиком иголки на нужную точку, продергивает одну нитку несколько раз, затем вдевает другую. Работает сосредоточенно, будто ворожит. Видно, что занятие ей в удовольствие. Она по натуре своей не умела сидеть без дела.

– Почему ты именно эту картинку выбрала? – спросил я, кивая на вышивку, где вырисовывалась на зеленой пальме пара оранжевых попугаев с синими хвостами. Длинноногий самец распахнул крылья над самкой и пучеглазо косится, что-то остерегая. Самка сидит на изгибе ветки, миролюбиво склонив голову. Мне казался этот рисунок мрачным. – Это же сложно, столько вышить!

– Сложно, – подтвердила Вера. – Видишь, больше половины уже сделано. – Она, загадочно улыбнулась, провела пальцами по заготовке. Только теперь, спустя много месяцев, я, глядя на вышитую миниатюрку в рамочке на стене, догадываюсь, что жена выбрала этот рисунок не случайно. Подвернувшийся на рынке шаблон, напрашивался стать символом супружеской верности. Назидание в память? Неужели жена готовилась к худшему?

– Ничего себе! Каждый листик вытыкать. Я бы ни за что не смог, – я приподнялся с дивана. – Давай, полечу. – Вера, отложив рукоделие, поправила подушку и с готовностью легла на левый бок лицом ко мне. Пододвинув табурет, я присел. Протянул ладонь, вывесил ее над правым боком и начал проверять больное место, внимая незримым токам биополя, идущим снизу. В воображении замаячил белой тенью рентгеновский снимок. «Новообразование возле ободной кишки». Что это, новая опухоль или метастазы? Неужели операция не помогла?

Ладонь налилась, потяжелела. Приноравливаюсь, прислушиваюсь к тому месту, куда указывало рентгеновское пятно, отыскиваю сигнал боли. Пытаюсь уловить в ощущениях новые, необычные позывы. Чувствую, как из глубины тела пробивается слабенькое, едва уловимое ответное волнение. Отвожу ладонь в сторону – напряжение теряется. Как слепой обшаривает предметы, передвигаясь, так и я: возвращаю ладонь – снова слабая потуга. Ладонь должна двигаться.

Собираюсь с мыслями, поглядываю то на Веру, то на ладонь. Из больного места постепенно оформляются более четкие импульсы отталкивающей силы. Они начинают ершиться, подпирать мою руку. Легонечко, то в пальцах, то в центре ладони что-то шелохнется едва уловимым напором. Так происходит взаимодействие разных биополей. Расстояние от руки до тела около десяти сантиметров. Разглаживаю эти невидимые потоки, обволакиваю внутренний огонек. Туда-сюда. Так, внатяг, держат вожжи. Отпустишь – уйдет, перетянешь – встанет.

Энергетический фон болезненного очага выделяется на фоне здорового. Кто видит ауру, говорят, что боль заметна. Она, как солнечный протуберанец, при определенном навыке может без труда прослеживаться. При одном условии: если границы червоточины четко выражены. Под воздействием биополя рук, очаг должен раствориться, а боль уйти. У кого-то ощущается тепло, у кого-то мурашки. У меня так: будто магнит в руке.

Старший Верин брат Леонид умер в деревне два года назад от рака мочевого пузыря. День в день через тридцать пять лет после смерти отца, умершего от рака желудка. Мы, приезжая в деревню, останавливались в родительском доме. В нем проживал младший Верин брат Миша. По молодости он попал под поезд, переломал позвоночник, да еще стопу ему тогда отрезали. Получал инвалидные, на это и перебивался от пенсии к пенсии. Тещу, после третьего инсульта увезли к младшей Вериной сестре в райцентр. Оставшись один, Миша стал попивать. От него узнали, что Леня в тяжелом состоянии. Пришли в дом, расположенный неподалеку.

Это было в разгар июльской жары. Мы прошли в маленькую комнату. Изможденный до неузнаваемости, Леня лежал на пружинной, провалившейся кровати, в расстегнутой рубашке. Посмотрел на нас. В добрых глазах его мелькнула ювелирным прищуром надежда. Жена его, деревенская учительница на пенсии, начисто лишенная сентиментальностей, сидела на соседней кровати,

участливо смотрела, как я морокую над ее усыхающим мужем. Для родственников не было секретом, что я знаю лечение рукой.

Едва только протянул ладонь над впалым животом, тут же почувствовал, как что-то прокатилось по руке волной. Голову объяли глухие, странные вибрации, тупой шум. Сознание на миг помрачилось. Такое случилось со мной впервые. Я растерялся. Решив сразу, что помочь не в силах, поводил рукой еще несколько минут. Исковерканная аура будоражила пространство вокруг живота. Леня посмотрел на меня внимательно. Затем все понял. Молча отвернулся. Это было за две недели до Лениной кончины. Умирал он в страшных муках.

Готовясь исцелять жену, я вспоминал о ее брате. Сравнивал, конечно. Вера расслабленно лежала на диване, подвернув руку под голову. Привычная и спокойная обстановка настраивала на деловой лад. Я разматывал очаг боли. Она, уйдя взглядом в себя, прислушивалась. Хотела, видимо, почувствовать влияние ладони. Потом подняла взгляд, спросила:

– У Лени не так было?

– Нет, не так! – ответил я сходу, ожидая подобный вопрос. У Лени там сразу оглушило, а у тебя вообще почти ничего не слышно. – Вера потупилась, слегка прикусила палец. Показалось, не поверила. Это обескураживало. Хотелось немедленно доказать что-то и ей, и себе.

Больное место ниже подмышки, куда она показывала рукой, сначала почти не прощупывалось. Требовалось немало усилий, чтобы хоть немного вычленить и зацепить очаг. И даже зацепившись за него, я не мог его раскачать. Когда, заблудившись в лесу, видишь знакомую сломленную березу, наступает облегчение. Я не находил эту березу. Смотреть на жену было все больнее. Живот распирало, а я не знал, что с этим делать.

Веру с детства воспитывали в уважении к женской доле. Кроме трех братьев, у нее была младшая сестра. Рассказывала, как они с сестрой работали на огороде. Ей было лет двенадцать. Работали в испепеляющую жару, не разгибаясь, весь день.

– Таня убежит куда-нибудь. Я постарше, с меня спросят, поэтому кричу ей: «Таня, иди сюда. Таня…» Она появляется. Куда деваться-то? Грядки большущие.

Пололи их, поливали. Мама с папой на работе, а мальчишки играют где-то на поляне в это время в футбол, – не мужская работа, травку дергать. Так заведено было в деревне.

Трудилась всю жизнь, не покладая рук. Сыновей вырастила. С ее-то красотой могла бы выйти за богатого. Тот носил бы ее всю жизнь на руках. Я не богач. И ущербным себя никогда из-за этого не считал. Но вот когда она заболела тяжело, что-то безысходное навалилось, прижало. И вспыхнуло! Вспыхнуло невероятной энергией противостояния. Делал все, что было в моих силах, лишь бы спасти жену. Лечил руками, полагая, что хуже от этого не будет.

Утром, чуть свет, просыпался. Вера спала на краю дивана. Я осторожно перебирался через нее, шел на кухню, разогревал чайник. Потом притаскивал из другой комнаты две подушки, складывал их друг на друга у стены. Кружку с чаем ставил на подлокотник дивана, тихонько, чтобы не потревожить Верин сон. Усаживался на подушки. Легонько отгибал с Веры одеяло, окидывал взглядом фигуру. Расправлял складки на ночной сорочке, подключал биополе правой ладони. И водил поверх больного места, заостряя внимание на ощущениях. Не сходя с места, часами выуживал болезнь из тела.

– Господи Исусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя грешнаго! – твердил я, призывая Всевышнего, в надежде, что поможет. Эта надежда зиждилась на бабкиных словах из далекого детства.

– Держи всегда Бога в мыслях, и Он услышит тебя. Молящему воздастся, – наставляла меня набожная старушка, рассыпая семена веры. К сожалению, я не внимал ее урокам. Но дар целительства, по Божьей воле, перелился с родной кровью и таился во мне до поры-до времени, пока не понадобился.

Давно это было. Родственник как-то приехал к нам со своим товарищем. Тот был заядлым рыбаком, и в разговоре пожаловался между прочим, что не может долго сидеть на берегу: спина болит.

– Давай, подлечу, – сказал я ему в шутку.

– Как?

– Ложись на диван животом вниз, – он улегся. Я немного поводил у него руками над спиной. Особо ничего не почувствовал и забыл тут же. Выпили, поговорили. Гости ушли. На следующий день рыбак приносит мне бутылку вина. С искренней благодарностью вручает.

– Ты что со мной сделал, спина вообще не болит? Никогда такого не было, – тот удивительный жизненный эпизод стал для меня отправной точкой. С тех пор все чаще задумывался: если что-то такое есть у меня, значит надо развивать. Упражнялся. Нравилось концентрироваться на ощущениях, воображать невидимые предметы. При случае стал помогать близким. Сначала робко. Потом уверился. Но никогда не приходилось сталкиваться с серьезными недугами. Так себе… То рука, то нога или спина у кого-нибудь из друзей заболит. Ушибы снимал. А тут рак. Да не у кого-нибудь, а у самого дорогого мне человека. Мне просто выпало так: выжать из подаренной возможности все соки.

Аккуратная и беспощадно красивая, Вера всецело доверялась мне. Хотелось обнимать ее бесконечно, а я лечил. Приставлял ладонь над больным местом, нащупывал встречный поток и уравновешивал его. Повинуясь явным позывам, щупал живот, печень. Уходил вниз, к области таза. Что же там осталось на месте бывшей матки? Откуда идет распространение болезни?

Опухоль всегда несет печать той ткани, из которой она возникла. И эта очень важная особенность опухоли, позволяющая точно определить, где и из чего она возникла.

Возвращался назад к правой подмышке, куда указывал рентгеновский снимок. Искал и искал, будто на лесной лужайке потерял корни растущего там когда-то дерева. Ничего не находил. Локализовать очаг не удавалось. Пил небольшими глотками остывший чай. Выпив одну кружку, наливал в кухне другую, возвращался и снова лечил.

Начал сомневаться. Есть ли очаг вообще? Когда стал поднимать ладони выше, расставляя их напротив друг друга, высветилось нечто новое. В сознании прокатилась волна небывалых ощущений. Глухо, будто где-то в чаще за пригорком повалилась мертвая сосна. Один накат, затем другой, более пространный.

Через некоторое время, удалось настроиться на частоту другого порядка. Более обширную. Синхронно переливам энергии в ладонях, ожил и заработал какой-то переключатель в голове. Я почувствовал эту связь и задумался. Может лечить надо не один маленький очаг, а все тело в едином объеме, насквозь? Но биополе рук ограничено в пространстве. Требовался принципиально другой подход. Не имея опыта и не ведая профессиональной методики, досадовал. Какой же я дилетант, как можно лечить такую болезнь? Тут же особые слова нужны! Как бы хотелось спросить у Любы! Где она теперь?

Вера не жаловалась, а болезнь прогрессировала. Аппетит у нее катастрофически ухудшался. Вырастал живот. Я заводился все больше и больше. Желание избавить жену от напасти перерастало в одержимость. Утром лечил, сидя на диване, на подушках, вечером – с табурета. Когда рука уставала, я, согнув колени, ставил ступни ног на край дивана, опирал локоть на колено и снова водил ладонью над телом.

– Господи, милостивый! Помоги мне! – просил я шепотом. – На, Тя, уповаю! Дай мне силы справиться с напастью. – Слепо искал нужные слова.

Вера, видя, что от моего лечения результата нет, однажды возмутилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/buev_vladimir/porcha

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить